

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПРОЧТЕНИИ СТАТЬИ М. БУРАВОГО "ЧТО
ДЕЛАТЬ?"

Автор: М. ВЕВЁРКА

ВЕВЁРКА Мишель - профессор Парижской высшей школы исследований по общественным наукам, президент Международной социологической ассоциации (E-mail: Michel.Wieviorka@ehess.fr).

Мир меняется, социальные науки трансформируются. Парадигмы, подходы и основные ориентации эволюционируют. Иногда это происходит на базе традиционных формулировок, теряющих на данный момент силу, или напротив, перестраивающихся и в какой-то мере модифицирующихся, иногда порывая с прошлым, создавая явную новацию. В результате дискуссия, в социальных науках периодическая, начинается вновь. Должны ли исследователи участвовать в общественной жизни и как? Вопреки весьма упрощенному мнению, этот вопрос относится не исключительно к полезности этих дисциплин и, возможно, к их "освободительной" роли, тема - главная для Майкла Буравого. Речь идет также, и не всегда напрямую, о том, как производится социологическое знание. И еще - о том, как оно проверяется и демонстрируется. Мы также вынуждены рассмотреть реальный статус этого знания, точнее, доказательства, которые дают возможность оценивать его, говорить о "науке". То, как мы, исследователи в сфере социальных наук, видим наши отношения с публикой и акторами, всегда прямо

связано с тем, как мы подтверждаем научную ценность наших заверений. Мы не можем делать различий между нашими взглядами на свои отношения с публичной сферой и теми, что лежат в основе наших теоретико-методологических взглядов на исследования и нашей способности как ученых предъявлять жестко выверенные подтверждения.

Типы исследователей

Некоторые исследователи демонстрируют приверженность сугубо профессиональному определению своей деятельности. Они жестко намерены принадлежать к относительно закрытому миру, в котором учат студентов и обмениваются взглядами с коллегами. Они публикуются в специализированных журналах, участвуют в семинарах и конгрессах коллег, не заботясь об ином вмешательстве в публичную сферу, по меньшей мере, - в качестве исследователей. Ничто не мешает им действовать в качестве, например, граждан, членов ассоциаций, неправительственных организаций, партий. Антонио Грамши давно бросил вызов видимой нейтральности интеллектуалов, намекая, что они в действительности скрывают свою "органичную" роль - воспроизводство строя, господства. Но, в применении к общественным наукам, аргументы Грамши подвергались критике: они бросают тень сомнения на действия "профессиональных" исследователей; несколько принижают вклад ученых в производство и распределение знания, редуцируя его до идеологических практик; бросают вызов науке, говоря, что здесь имеет место иллюзия. Наконец, концепция, выстроенная по Грамши, может рассматривать только "профессиональных" социологов как "сторожевых собак"; можно отлучить их от профессии лишь от имени угнетенных и эксплуатируемых, выводя за пределы интеллектуальной респектабельности. По этой причине Майкл Буравой, хотя вдохновляемый, прежде всего, этим крупным итальянским марксистом, избегает прямой конфронтации с "профессиональной" социологией, даже хвалит ее. По его словам, она дает методы и концептуальные рамки "публичной" социологии, которую он отстаивает; она обеспечивает "легитимность и экспертность", как он писал в манифесте "За публичную социологию!" (2005 г.). Короче говоря, "профессиональная" социология не враг *публичной социологии*.

Другие исследователи намерены участвовать в жизни Града², они хотят обмениваться взглядами с оппонентами, не только с коллегами, выражать свое мнение в СМИ как исследователи, контактировать с другими социальными, политическими и культурными акторами. Они подпадают под несколько иные представления о вмешательстве в жизнь общества и являются, фактически, наследниками традиций, несколько трансформированных. Самыми яркими примерами здесь являются две ключевые фигуры. Первая - сверхкритичный интеллектуал. 1960 - 70-е годы, когда марксизм в разных видах доминировал в социальных исследованиях и когда структурализм (иногда, хотя не всегда, с налетом марксизма) имел мощное влияние, многие исследователи, так или иначе, сочетали политическую активность с исследовательской, будучи убеждены, что на этом пути вносят вклад в изменение мира и строительство лучшей жизни. Но мир реального коммунизма рухнул вместе с Советским Союзом, вместе с ним и идея освободительной роли рабочего класса потеряла всякую достоверность. Утратив утопии, модели и связь с избавителем в лице рабочего класса, марксизм в социальных науках пошел ко дну, - за исключением ряда избранных точек, в частности, в некоторых богатых северо-американских и британских университетах. Там активно пытались в 1970-е годы придать ему новый импульс, базируясь на трудах Грамши. Основатель Итальянской коммунистической партии, Грамши был крупным, тонким и открытым мыслителем. Открытие или повторное открытие его было последней по-

² Античный термин; имеется в виду общество, "публика" (*примечание переводчика*).

пыткой зажечь коммунистическую и некоммунистическую интеллигенцию, особенно в Европе. Более того, структурализм тоже пошел на спад, будучи неспособным или утверждать, что Субъект умер, или держаться прежнего курса. Те аспекты марксизма и структурализма, что выжили, иногда в сочетании, заняли позицию крайней критики. Труды Пьера Бурдьё были последним крупным выражением этого. В результате общественная активность тех, кто держался этой позиции, приняла форму новой разновидности левизны, четкой позиции отрицания и отвержения всего, неспособности видеть будущее.

Вторая ключевая фигура, особенно интересная, это эксперт. Начиная с 1970-х, социальные науки стали свидетелями их численного роста в странах, где они уже хорошо утвердились, но также и во многих других, особенно в Азии и Латинской Америке. Исследователей из-за компетентности и знаний все чаще звали на службу политики и оппозиционеры, социальные и культурные акторы, нуждавшиеся в экспертизе, а также СМИ, которым были нужны новые подходы к ряду конкретных аспектов происходивших событий. Этот вклад исследователей в жизнь Града - не монополия экономистов или политологов; социологи здесь тоже нужны, хотя и не обязательно становясь тем, что Буравой называет *публичными социологами*. Это не обязательно автоматическое участие в политике. Для исследователя, например, это означает обучение, передачу знания властям или контрвластям, частью которых он/она может и не быть. Поэтому нередко эксперты выступают как советники, возможно, платные консультанты.

СМИ могут быть сферой деятельности этих двух типов исследователя. Сверхкритичная позиция, благодаря своей абсолютности, привносит радикальные и сенсационные мнения, что пресса любит больше, чем умеренные мнения, взвешенные разъяснения, вызывающие меньший интерес. Эксперты обеспечивают точно документированные подходы, формы знания благодаря "научности", видимой детальности и нейтральности, что в издательских командах не всегда умеют делать.

Есть, конечно, другие формы участия исследователя-обществоведа в жизни Града; быть критичным, не становясь сверхкритичным; компетентным и точным, не будучи ограниченным; стремиться участвовать в публичных дебатах; вносить вклад в конструирование, не изолируя себя от мира "профессиональной" научной деятельности. Я считаю, что *публичная социология* Майкла Буравого пытается вернуть себе или занять это пространство. Но все же ей придется четко отмежеваться от сверхкритичных позиций, а не флиртовать с ними. Ей нужно отмежеваться от позиции экспертов и не ограничиваться повторным введением (в новых одеждах) нищеты марксизма, вопреки прямым или косвенным отсылкам к Грамши. Нищеты, так как он полностью лишен того, что было его силой в прошлом: коммунистическая утопия ленинизма или люксембургизм как способ действия при наличии мощного движения рабочего класса.

Нужно придать большее значение, чем Буравой, идее внутренних различий в пространстве *публичной социологии*. Майкл Буравой, думаю, легко согласится с фактом, что в некоторых случаях участие исследователя в жизни Града происходит в одной стране, в других - оно более "глобально", будучи частью транснациональной ситуации. Он также, наверное, согласится, что все меняется от страны к стране. Например, в США социолог относительно редко выступает в крупных ежедневных газетах или журналах, во Франции это - повседневность. Я сам лично создал и два года руководил ежемесячным изданием, где дебатировались идеи - "Ле Монд де деба", тиражом несколько десятков тысяч в месяц, где социологи, обществоведы имели широкие возможности для выступлений.

И виды участия могут меняться, не только благодаря этим различиям; они не могут ограничиваться двумя формами, которые предлагаются: "традиционная" или описываемая словом "органичная" *публичная социология*.

Демонстрация доказательств

По мнению Майкла Буравого, приоритет исследователя - защита общества и его акторов от государств и рынков; он/она должны "объединить силы с другими группами публики". "Традиционный публичный социолог", чьи книги и статьи нацелены на большую "невидимую" публичную группу, ту, с которой у него/нее почти нет взаимодействия, отличается от "органичного публичного социолога". Последний находится в тесной связи с его/ее публикой, работает с профсоюзами, ассоциациями, религиозными общинами, группами мигрантов и т.д. Но что в действительности является сутью интеракции "публичного социолога" и публики? Можно выдвинуть ряд гипотез и указать на ряд возможных способов интеракции. Для полной ясности сведу их в две группы.

Дискуссии с публикой. "Публичный" социолог действительно может ставить себе задачу выйти из университета, на основе своей позиции или знания установить связи с публичными группами разного плана. Укажу три возможных способа - среди других.

Первый способ - "элитизм". Социолог просто в силу своей способности говорить, оперировать концепциями и аргументами фактически убеждает публику, слушающую его/ее, согласиться с логикой своих мыслей, анализа, предложений. Он/она выступают как члены элиты, возможно авангарда, наделенные знанием (или некой формой истины, философии, понимания истории), которое он/она просто пытаются предлагать, выступая в роли обладателя знания и разума. Думаю, Майкл Буравой хочет уйти от такой установки, особенно если она соседствует с ленинизмом. Тем не менее, он не дистанцируется от Ленина, как это видно в начале его текста: позиция Ленина в "Что делать?" (нам он предлагает понимать ее в определенном контексте) может, считает он, быть оправданна определенными условиями, начиная с тех, в которых Ленин писал свой хорошо известный текст. Лично я с трудом верю, что еще возможны периоды истории, когда будет важно знать, как быть ленинцем. Вспомним Латинскую Америку мрачных лет военных диктатур. Не ленинские группы и революционные партии, часть из которых скатилась к терроризму, открыли путь из этих трудных времен. Напротив. Это были те, кто, подобно моему предшественнику на посту главы МСА, Фернандо-Энрике Кардозу, неутомимо сражались за демократические идеи и, отвергая авангардистские идеи, готовили путь в век демократии.

Второй возможный способ - попытки социологов связать знания, полученные или накопленные им/ею, науку, с вопросами, которые волнуют публику. Например, можно выполнить исследование по профсоюзам или борцам за права человека и начать обсуждение результатов с профсоюзными лидерами или активистами борьбы за права человека, в первую голову с теми, кто давали интервью, встречались во время исследования. Эту работу исследователи часто называют *реституцией*. Смысл ее - возвращение к тем, кто затронут в исследовании и возвращение им знаний, полученных методом, например, глубинных интервью. Фактически, это фаза исследования, которую социологам следует систематически организовывать, когда они изучают акторов или их проблемы.

Третий способ выражается в рамках *рассуждающей демократии*. Социолог (если нужно, с другими специалистами) обсуждает с публикой, которая не обязательно прямо затронута проблемой, которую он/она изучил путем исследования. Излагается уровень знания этой проблемы, даются ответы на вопросы, показывая, где знание полноценное и где нет, где есть сомнения, незнание, что в итоге позволяет каждому лучше понять обсуждаемую проблему. Здесь социолог - элемент демократического механизма, который не есть часть представительной демократии, но который может ее укрепить.

Эти три первые модели делают социолога лицом, обладающим знанием, - полученным или накопленным. В *элитизме*, *реституции* и *рассуждающей демократии*

вопрос доказательства, то есть развертывания умозаключений исследователя вообще-то не является проблемой, даже если спросят, как получено конкретное знание. С этой точки зрения социолог не отличается сущностно от "профессионального" социолога. Доказательство, демонстрация аргументов, проверка, гарантии научной природы социологического труда - составная часть профессии, ее фундамент, как и журналы, которые примут или нет данный текст, коллеги, которые пригласят или нет на конференцию или конгресс, и т.д. Не публика действует на уровне наших научных институтов, или, как минимум, на уровне значимости наших выводов.

Демонстрация знаний группам публики. Иное понимание связи социолога с группой публики - это значимость социологического знания, получаемого в процессе совместной деятельности. Здесь можно рассмотреть два подхода.

Первый часто называют "исследование-действие". Социолог вместе с публичной группой вмешивается в то, что изучается; а интеракции, случающиеся во время вмешательства, производят знание, а также преобразуют ситуацию и, тем самым, затронутую группу публики. Социолог также трансформируется, если готов признать, что нельзя закончить исследование, будучи тем же самым, что и начиная его.

Второй подход Ален Турен назвал социологической интервенцией. Он состоит в создании связи социолога и изучаемого актора. При этом каждый играет свою роль. Исследователь не пытается быть актором, актер не преподносит себя как социолога. Здесь, в итоге, вопрос в предъявлении исследователем социологического аргумента, который актер принимает или отвергает. Это и есть проверка, демонстрация исследования и релевантности гипотез. Чем больше акторы работают с аргументами социологии, интересующими их, тем более они делают их своими, например, поправляют свой анализ минувшего, и тем больше у социолога оснований считать, что его/ее анализ разумен. Этот подход означает вступление в определенные отношения производства анализа и знания с изучаемыми группой или акторами. Но социолог ни на одном из этапов не становится приверженцем или активистом. Ничто не мешает социологу позднее представить результаты исследования в книгах, статьях, предназначенных, с одной стороны, для профессионалов, с другой - для более широкой "традиционной" публики - по словам Буравого.

Это подводит нас к иной возможной концепции нашей роли как социологов. Очевидно, всех "профессиональных" социологов, экспертов, гиперкритиков и т.д. объединяет фундамент - принадлежность к некоей общности. Это, прежде всего, тот факт, что они производят знание и распространяют его. И уже потом они многим различаются - по теоретическим ориентациям, методам, способам вмешательства - "традиционным" или "органичным". Но решающая разграничительная линия между ними, в итоге, имеет эпистемологическую природу. Некоторые считают, что научное подтверждение их работы - дело только ученых. Другие, хотя и не отвергая это мнение, считают, что лучшим доказательством верности социологического аргумента - проверка того, что предлагается. С этой точки зрения это не вопрос согласия "публики" с анализом. Социолог должен приводить в движение механизмы, которые позволят говорить, как, в каких условиях данный конкретный анализ приемлем с точки зрения общества или данной группы публики, в какой мере он значим, полезен, важен и практически применим.

Такого же рода замечания я мог бы сделать и по поводу выбора объекта, подлежащего изучению. Скажу в общем виде: проблемы науки и проблемы вовлеченности в дела общества не должны разделяться. Наше понимание демонстрации верности нашего знания не отделено от нашего понимания отношений с тем, что называют публичной сферой. Более того, можно утверждать: вопрос отношений исследователя с жизнью Града тоже возникает с самого начала производства научного знания, с выбора объекта, теории, метода и способа верификации.